

А.Я. Панаева

Степная барышня

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
А11

А.Я. Панаева

А11 Степная барышня / А.Я. Панаева – М.: Книга по Требованию, 2021. – 56 с.

ISBN 978-5-4241-2973-5

Авдотья Яковлевна Панаева - русская писательница. Дочь актёра Я. Г. Брянского. В 1837 году вышла замуж за писателя И. И. Панаева. С середины 40-х годов в течение 15 лет - гражданская жена Н. А. Некрасова. В 1863 г. вышла замуж за актёра Головачева. Собственные произведения публиковала под псевдонимом Н. Станицкий. Совместно с Некрасовым написала романы "Три страны света" (1848-1849) и "Мертвое озеро" (1851). В конце жизни опубликовала "Воспоминания", которые были восприняты неоднозначно.

ISBN 978-5-4241-2973-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© А.Я. Панаева, 2021

Авдотья Яковлевна Панаева
Степная барышня

Усталый и голодный добрался я до уездного городка П*** и остановился у гостиницы -- лучшей в городе, по словам моего ямщика. Навстречу ко мне выбежал слуга. Я потребовал комнату и прибавил:

-- Смотри же, только чистую, пожалуйста.

-- Уж не побрезгайте, окнами на двор,-- умильно глядя на меня, сказал слуга.

Я заглянул на грязный двор, заставленный различными весьма странными экипажами. Под навесом стояли лошади, коровы, бараны. На дворе толпились мужики; шум был ужасный. Желая хорошенько выспаться после трех ночей, проведенных в телеге, я потребовал комнату непременно с окнами на улицу.

-- Все занято,-- отвечал слуга.

-- А налево-то от нас, Архип? -- раздался мужской голос над нашими головами.

В окне второго этажа покоились животами на пуховых подушках в ситцевых наволочках старик и старушка.

-- Занято! -- нехотя отвечал Архип на их замечание.

-- Ну так пятый номер, что опорожнил сегодня купец,-- подхватила старушка.

-- Исправник взял под кого-то! -- грубо крикнул Архип.

Благодаря заботливости стариков, мне ничего более не оставалось, как попытаться счастья в другом трактире.

-- Ты поезжай к немцу, может, у него есть! -- заметил старичок моему ямщику.

-- Под гору не езди, а ступай низом -- тут ближе: я хаживала пешком,-- с горячностью прибавила старушка.

Ямщик тронулся, я поклонился старичкам, благодаря за непрошенные услуги. Они отвечали самыми радушными поклонами.

По случаю ярмарки даже все харчевни городишка были битком набиты, и я скоро принужден был возвратиться к первому трактиру. Старички, завидев меня, раскланялись со мной уже как с коротким знакомым и с участием спросили: нашел ли я номер?

-- Нет! -- отвечал я, выходя из телеги, и обратился к выбежавшему Архипу:

-- Давай хоть на двор номер, что делать!

Архип торжественно отвечал:

-- Да и его сейчас заняли.

Это известие меня ошеломило.

-- Ишь какой, мы ведь тебе сказывали: обожди! Барин, может статья, и вернется,-- строго заметила ему старушка и, обратись ко мне, продолжала с чувством обиженного достоинства: -- В ярмарку дворянам здесь места нет: купечество все захватывает, хоть на улице ночуй.

Это меня несколько не утешило, я пристал к Архипу, чтоб давал мне номер. Архип наотрез объявил, что нет,-- разве не выбудет ли кто к вечеру, да и то бог знает!

Я стоял в недоумении, не зная, что делать, как вдруг старичок крикнул слуге:

-- Архип, Архип! Проси к нам, мы уступим им одну комнату. Пожалуйста, комнатка изрядная,-- прибавил он, обратясь ко мне.

-- Милости просим, мы завтра уезжаем, одну ночь и потеснимся,-- ничего! -- подтвердила старушка.

Я поклонился им, но все еще стоял в нерешимости; старик положил ей конец, дав Архипу приказание тащить с телеги мою поклажу, а сам скрылся; старушка скрылась тоже.

-- Что это за люди? -- спросил я Архипа, принявшегося за выкладку моих вещей.

-- Тутошные помещики! -- не без презрения отвечал Архип и как-то двусмысленно спросил, приподняв чемодан: -- Тащить, что ль, наверх?

-- Как их фамилия?

-- Зябликовы! -- отвечал Архип.

-- Григорий Никифорыч и Авдотья Макаровна приказали просить вашу милость наверх,-- сопровождая свои слова низким поклоном, сказала девушка в тиковом платье, с волосами, расчесанными на две косы.

Ей было лет двадцать с лишком. Она имела лицо рябое, некрасивое и сердитое; особенно злобно покосилась она на Архипа, который поглядывал на нее насмешливо.

-- Да, пожалуйста! -- раздался голос старика над моей головой.

-- Что глядишь-то, тащи вверх чемодан,-- повелительно прибавил он своей прислужнице.

Эта оригинальная услужливость со стороны незнакомых людей, а также голод и желание отдыха заставили меня последовать за сердитой девой, которая уже успела перебраться с Архипом довольно энергичною бранью. Коридор, по которому я шел за прислужгой, несшей мои вещи, был как следует быть коридору в уездном трактире: грязен, пахуч и темен. В продолжение моего шествия все двери номеров раскрывались и из них высовывались любопытные головы постояльцев. Я вошел в светлую и довольно чистую комнату, которой главная мебель состояла из сундуков, коробок, узелков, а стены были завешаны мужским и женским гардеробом. Явились старички и опять начали раскланиваться со мной, как со своим гостем.

-- Рекомендую вам мою супругу Авдотью Макаровну,-- сказал муж, а жена, заметно готовясь, что я подойду к ее руке, прибавила:

-- Милости просим разделить с нами уголок и хлеб-соль.

Я стал извиняться, что стесно их.

-- И, полноте! Мы переночуем в другой комнате, это наша тоже,-- указывая на соседнюю дверь, прервал старичок.

-- Не на улице же вам, батюшка, было ночевать! И все это Архип купцу всякому норовит угодить, а для дворянства нет места!

И старушка указала мне место возле себя на диване. Я сел.

Настало молчание; пользуясь им, я рассмотрел внимательнее моих новых знакомых. Старички имели физиономии необыкновенно простые и добродушные. Я готов был бы держать пари, что в жизни своей они не знали никакого горя: так спокойно, даже туповато было выражение их лиц. Щеки сохраняли румянец; полнота не переходила еще границ, но животы заметно были развиты,-- все не дурные признаки. Волосы у обоих были светло-русые. Туалет старика, вероятно по случаю лета, состоял из серо-черной нанки. Белая косынка обхватывала его короткую и толстую шею. На супруге его туалет также не был роскошен. Темный ситцевый капот -- лиф коротенький, рукава с пуфами. Под лифом платье, вместо манишки, была надета белая кисейная косынка. Чепчик тюлевый

с рюшью без всяких бантов дополнял этот простенький и чистенький туалет. Григорий Никифорыч прервал молчание следующим вопросом:

-- Откуда изволите ехать?

-- Из Х*** губернии.

-- Из своих поместьев?

-- Да.

-- Холостые? -- спросила Авдотья Макаровна.

-- Не женат.

-- Изволите состоять на государственной службе? -- спросил Зябликов.

-- Да-с.

-- Родители живы? -- обратясь снова ко мне, спросила старушка.

-- Давно умерли.

Авдотья Макаровна покачала головой с соболезнованием.

-- Позвольте узнать имя и отчество ваше? -- спросил старичок.

Я сказал: они раза два повторили его, как бы заучивая урок.

-- А который годок вам, батюшка Николай Николаевич? -- спросила меня старушка.

-- А сколько у вас душ? -- спросил Зябликов, как только я удовлетворил любопытство его жены.

-- Братцы и сестрицы есть? -- сказала Авдотья Макаровна.

-- У меня нет никаких близких родных! -- отвечал я, досадую на докучливых старичков; но они, кажется, и не подозревали, что их любопытство может наскучить, и продолжали меня допрашивать.

-- А заложены ли ваши мужички? -- спросила меня Зябликова.

-- Нет, -- улыбаясь, отвечал я.

-- Хорошо вы делаете! Ах, как трудно справляться потом! -- с грустью произнесла Авдотья Макаровна, из чего я мог догадаться, что их мужички были заложены.

-- А каков хлеб в ваших местностях? -- не давая мне отдыха, спросил Зябликов.

-- А скотинки много, батюшка, у вас? -- перебила своего мужа Авдотья Макаровна.

-- Право, не знаю, -- отвечал я.

Старички вострепнулись и с удивлением глядели на меня, как будто я им сказал что-нибудь ужасное.

-- Я плохой хозяин, мало живу в деревне, нанимаю управляющего, -- прибавил я, желая оправдаться.

-- Небось немца! -- язвительно заметил мне Зябликов, а его супруга с ужасом прибавила:

-- Как же можно не знать своего добра?

Во все время этого разговора сердитая дева в тиковом платье бегала из комнаты в комнату, рылась в сундуках, в узлах и снимала со стены крахмальные юбки, шум которых в другой комнате возвещал мне о новом скором знакомстве.

Появление молодой девушки пояснило мне докучливые расспросы стариков и их оригинальное гостеприимство. Ее отрекомендовали мне следующей фразой:

-- Вот наша дочка, Феклуша!

Феклуша, покраснев, присела мне¹ и поспешила сесть в угол.

Началось приготовление к чаю; старушка и супруг ее стали хлопотать около стола, на который постлали чистую скатерть. Я этим временем поглядывал на новое лицо.

Феклуше было не более шестнадцати или семнадцати лет; она с первого взгляда мне не понравилась; может быть, ее пестрое шерстяное платье, его покрой и украшения были тому причиной; мне показалась она портретом матери, какой, вероятно, была та в молодости: голубые же глаза, такие же белокурые волосы, только, разумеется, с отливом не сероватым, а золотистым; тот же здоровый цвет лица, пышность плеч и простодушный взгляд. Но когда она приблизилась к столу и я порассмотрел ее, то всякое сходство Феклуши с ее родителями исчезло. Ее бирюзовые глаза так были умны, живы и блестящи, что, казалось, искры струились из них. Ее золотистые волосы крутились от природы так изящно, что не могли служить украшением глупому лицу. Черты ее были миниатюрны, ротик дышал такую свежестью, что нельзя было смотреть на него равнодушно. Но что окончательно меня пленило -- это ее ручки, форма которых могла бы служить образцом самой строгой правильности и красоты. По загару ее лица и рук видно было, что Феклуша не принадлежала к тем деревенским барышням, которые ведут жизнь в комнатах, боясь солнца и чистого воздуха, как страшных посягателей на женскую красоту. Мне тоже очень понравилась в Феклуше ее бесцеремонность; она кушала чай при незнакомом ей мужчине с большим аппетитом, не заботясь, кажется, о том, какое это произведет впечатление на него. Откушав чай, она молча поцеловала свою мать и снова села в угол.

Старики угощали меня усердно, и так как я давно непил хорошего чаю, то вполне удовлетворил их радушие. Но едва кончился чай, как Зябликов заметил своей супруге, что пора бы похлопотать об ужине. Авдотья Макаровна вышла из комнаты, за ней последовала и Феклуша.

Григорий Никифорович, выпивший очень много чаю, сидел в креслах в изнеможении и дышал тяжело. Полумрак в комнате и молчание хозяина клонили меня ко сну; я уже начал подремывать, но вдруг встрепенулся, пробужденный необыкновенно мелодическими звуками неизвестного для меня инструмента. Заметив, что я прислушиваюсь, старик сказал мне тихо:

-- Феклуша моя мастерица играть на гитаре. Я люблю ее вечером послушать. Поди сюда, не стыдись, гость извинит, ведь ты самоучка,-- прибавил старик уже громко.

Феклуша тотчас же явилась на зов отца с гитарой в руках.

Часто тиранили меня игрою на фортепьяно, но женщину с гитарой в руках я еще не видал никогда. Феклуша уселась на окно и без всякого жеманства стала играть русские песни. Я даже не подозревал, чтобы гитара, инструмент, всеми презираемый, могла передавать самые трудные пассажи. Я был в восторге от искусства гитаристки; сон мой прошел, и я подсел к ней поближе. По приказанию отца она стала петь. Голосок у нее был небольшой, но чистенький, верный и такой мягкий, что нравился мне в эту минуту лучше всех женских голосов, какие я когда-либо слышал. Я не сводил с нее глаз... Она или была вся поглощена пением, или слишком хорошо сознавала свое искусство,-- только нисколько не конфузилась ни похвал моих, ни удивления. Что касается до меня, то нервы мои от бессонных ночей были слишком раздражены; притом несколько недель перед этим провел я в заключении в деревне со старостой и управляющим, и, может

быть, от этого Феклуша произвела на меня такое сильное впечатление. Я в ней видел в эту минуту чуть не музыкального гения, а лицо ее казалось мне замечательным по красоте. Заслушавшись ее, я не заметил возни в комнате, и только когда подали огонь, увидел, что постель мне сделана и стол накрыт.

-- Полно, Феклуша. Угости-ка гостя хлебом да солью,-- сказала Феклуше мать.

Феклуша тотчас замолкла, положила гитару на окно, села за стол и принялась кушать.

Аппетита у меня не было,-- я не ел, а старики дивились, как можно заснуть с голодным желудком. Мне очень хотелось им объяснить, что, смотря на блестящие глазки их Феклуши, не трудно потерять аппетит и сон; однако я не сказал этого. В разговоре моем со степной барышней я не подметил у нее ни одной из заученных, пошлых фраз. Если она чего не понимала из моих слов, то наивно устремляла на меня свои вопрошающие глаза, и этот взгляд приводил меня в восхищение. Ужин, к моему неудовольствию, очень скоро кончился, или мне так показалось, только старики, помолясь богу и принимая мою благодарность, с сожалением сказали:

-- Что делать, батюшка, верно, не понравилась наша хлеб-соль -- так мало кушали! Не взъщичте, чем богаты...

Я благодарил и оправдывался усталостью.

-- Пора по местам; Феклуша, полно! -- заметил старичок дочери. Но она села на окно, взяла гитару и начала ее настраивать, как бы приглашая меня на мое прежнее место.

Я заметил, что приказание отца не понравилось Феклуше, и хотел было просить старичков, чтоб они позволили мне еще послушать их виртуозку, как вдруг вошел Архип с известием, что очистился соседний номер. Хозяева мои, однако ж, воспротивились моему намерению тотчас перебраться. Они объявили, что перейдут туда сами, чтоб не беспокоить своего усталого гостя переноской вещей. Предупредительность их была трогательная; постель дде меня была уже готова на диване. Пришлось покориться.

-- Когда изволите выехать? -- заметила старушка, прощаясь со мной.-- А мы до жаров выберемся.

-- А куда вам ехать, позвольте узнать? -- спросил Григорий Никифорыч.

-- В Уткино, кажется, верст пятьдесят отсюда.

-- Уткино, Уткино! -- радостно повторили за мной старички, а их дочь, игравшая в эту минуту на гитаре, вдруг остановилась, но когда я взглянул на нее, она поспешно опять стала брать аккорды.

-- Господи! Да мы знаем Ивана Андреича очень хорошо! Такой добрый, хороший человек! -- сказал Зябликов, а старушка с грустью прибавила:

-- Частенько бывал у нас, гащивал по нескольку дней! Мы его любили: скажите ему, что Феклуша скучает по нем.

Феклуша заиграла какую-то удалую малороссийскую песню, как бы желая заглушить слова своей матери.

-- Скажите ему, что мы ума не приложим, какая черная кошка пробежала между нами? -- тоскливо сказал Зябликов.

-- Да, да,-- вздыхая тяжело, вторила ему Авдотья Макаровна,-- не брезговал нашим хлебом и солью; игрывал, бывало, все на гитаре с Феклушой; а тут вдруг

ни с того ни с сего глаз не кажет. Сначала думали, болен, ну, посылать к нему; потом узнали, что в добром здоровье, по соседям ездит. Вот скоро месяц, как глаз не кажет, как будто...

-- Что ж, Авдотья Макаровна, всякий волен в знакомстве! -- остановил с досадою свою супругу Зябликов.

-- Правда, а все-таки скажу, не след дворянину, и еще соседу, так поступать. Ну, чем мы обидели его? -- горячась, говорила старушка.

Феклуша поспешно подошла к матери, дернула ее за рукав и что-то шепнула на ухо.

-- Сейчас, сейчас! -- торопливо отвечала она Феклуше и, обратясь ко мне, хотела продолжать прерванный разговор.

Но Феклуша снова дернула ее за рукав платья:

-- Да пойдемте.

-- Ну, пойдем! -- с досадою сказала госпожа Зябликова.

-- В самом деле, мы вас заговорили. Прошу не оставить нас вашим знакомством. Если будете в Уткине, к нам милости просим: всего верст пять,-- сказал старичок, пожимая мне руку.

-- Не побрезгайте нашим приглашением, батюшка,-- прибавила Авдотья Макаровна.

Я подошел к ее ручке, чтоб иметь право поцеловать также ручку у дочери. Феклуша без застенчивости подала мне свою руку, мягкую и гладкую, как атлас, слегка коснулась своими губами до моего лба и что-то шепнула мне. Я так был поражен этим, что заметно смешался и не мог ничего сказать на приветливые приглашения родителей. Мне уже начинало казаться, не воображение ли обмануло меня; но, уходя, Феклуша бросила на меня такой выразительный взгляд, что не оставалось никакого сомнения. Я долго смотрел на дверь, куда они все скрылись, и досадовал на себя, что придаю важность шалости степной барышни, которую она, может быть, повторяет не с первым со мною. Сознаюсь, мне было неприятно встретить в этой кроткой и простенькой девушке такую смелость, и я поспешил лечь спать, чтоб не думать об ней более... Беготня и шум в коридорах затихли; я задремал. Но стук в дверь заставил меня пугливо вскочить. Сон мой исчез. Я весь превратился в слух; кто-то стоял у двери, ведущей в соседнюю комнату. В тишине я слышал не только шорох, но даже дыхание. Кровь бросилась мне в голову, я спешил одеться и, подойдя к двери, ждал в волнении повторения этого стука. Шорох за дверью усилился, и в шелку просунулась бумажка, сложенная в линейку. Я взял ее и, вообразите себе, чего-то испугался. В эту минуту мне вдруг пришли в голову бог знает какие догадки. Зачем старички препятствовали моему перемещению, почему дверь соседней комнаты, где находилась Феклуша, не заперли на ключ? Трусость моя меня насмешила: я подумал, что нечего рассуждать, а надо действовать, и прочел записку, содержание которой не оправдало мои ожидания. Вот что было написано карандашом на лоскутке: "Ради бога, не передавайте ничего Ивану Андреичу, о чем вас просила маменька, даже не сказывайте ему, что познакомились с нами".

Я прочитал записку несколько раз, подошел к двери и кашлянул тихо, потом погромче и еще громче. Не было ответа. Я подумал, что, может быть, нужна осторожность, и стоял у двери, как часовой, по временам возобновляя мой кашель. Мертвая тишина была в другой комнате. Я начал злиться и уже готов был

отворить дверь, но вдруг послышался шорох в коридоре -- и бросился на свою постель. Досада моя усиливалась; я видел себя одурченным, и обдумывал план мщения; но напрасно я трудился над ним: и признака жизни не было в другой комнате!

"Что за странные люди мои новые знакомые! -- думал я.-- Неужели под эту личиную простоты и радушия кроется какой-нибудь обман? Но они недостаточно умны для этого".

Их гостеприимство я нашел неестественным. Чем объяснить их хлопоты и заботливость об мне? Попромotalись на ярмарке и рассчитывают, что я заплачу за комнаты, в которых они жили? Это предположение показалось мне еще более вероятным, особенно когда я вспомнил небрежное обхождение с ними Архипа, перебранки его с сердитой горничной и жалобы старушки, что им насилиу дали номер.

Только под утро заснул я крепко, как спят люди, здоровые телом и душою, притом три дня и три ночи скакавшие на телеге. Проснувшись очень поздно и не заметив никакого движения в соседней комнате, я вспомнил свои предположения и позвал Архипа.

-- Ну, что, уехали? -- спросил я его не без улыбки.

-- Чуть свет. Приказали вам кланяться.

Я велел подать счет, но Архип отвечал мне:

-- Уплачено все! А если будет милость, так на чай прислуге.

Я устыдился собственных заключений. Семейство Зябликовых сделалось снова для меня привлекательным и оригинальным по своей простоте.

Через час я уже ехал в село Уткино, и образ Феклуши с ее добродушными родителями ни на минуту не оставлял меня. Мне смешно было, что я так сильно заинтересовался степной барышней, но в то же время мне очень хотелось узнать поскорее от владельца села Уткино, что это за люди. Его поступок с ними меня не беспокоил, потому что я очень хорошо знал странный характер моего приятеля... вернее сказать, бывшего приятеля, потому что уже несколько лет мы не видались с ним.

Позвольте мне сделать маленькое отступление, чтоб познакомить вас с владельцем Уткина. Физиономию его я очерчу в нескольких словах. Когда мы с ним расстались, а этому прошло шесть лет, он был строен, с розовыми щеками, с голубыми глазами и очень густыми белокурыми волосами. Характер его вовсе не соответствовал его кроткой наружности. Он был недоверчив, упрям и так самоуверен, что, пустившись в спор о предмете, совершенно ему незнакомом, не уступал самым очевидным доказательствам и упорно поддерживал нелепость, раз слетевшую с его языка. Может быть, не годилось бы так откровенно говорить о приятеле. Но в наше время каждый сознает и наивно расписывает не только недостатки своих ближних, даже и свои собственные. Мой приятель чуть ли не с детства имел слабость к разгадыванию человеческого сердца. И никто так часто не ошибался, как он, в выборе друзей, даже не исключая меня, которого он признал в самую мизантропическую минуту своей жизни единственным человеком, достойным его дружбы. Он имел хорошее состояние и половину его потратил в коммерческих оборотах, где познал гибельные последствия честного слова людей. Легко понять, как действовало это на характер, недоверчивый от природы. Убегая общества, Иван Андреич стал впадать в дикие умозрения и по

упрямству и самоуверенности не слушал возражений, повторяя одно: "Я горжусь тем, что никогда не изменяю своего мнения". Если б он был умен и деятелен, то упрямство его, может быть, принесло бы ему пользу. Но он учился с грехом пополам, ума особенного не имел, деятелен был только на словах. Итак, я оставил моего приятеля самым отчаянным мизантропом и теперь соображал, какое превращение должна была совершить с ним уединенная деревенская жизнь. Он, вероятно, похудел, одичал; чуждается людей, постоянно молчит и бродит по лесам, оплакивая слабости человечества.

Ямщик объявил, что скоро должно показаться Уткино. Дорога пошла между полями и такая узкая, что канавы, выкопанные по бокам, препятствовали разъехаться двум встречным. А между тем навстречу моего экипажа ехали беговые дрожки; ими правил какой-то господин, а сзади его сидел кучер и басил:

-- Правей, правей!

Мой ямщик, оглядываясь на обе стороны, сердито крикнул:

-- Куда правей? Не видишь, что ль, канава! Ну, держи сам правей!

И он придержал телегу. Беговые дрожки подъехали близко, кучер продолжал кричать:

-- Правей!

-- Ну что же у вас будет? -- сказал я.

-- Да не валить же вашу милость в канаву! Проезжай! -- сказал сердито мой ямщик.

Тогда сам барин крикнул:

-- Держи левой!

Беговые дрожки едва могли проехать шагом мимо меня. Я имел время рассмотреть господина, правившего чуть ли не столетним рысаком. Рост его был средний, но полнота скрадывала его. Полная его фигура была облечена в белый парусиновый балахон в виде пальто-сак и из той же материи широкие панталоны. На голове пестрый картуз затейливого фасона. Полные его щеки и двойной подбородок слегка обросли бурными иглами, а усы были желтовато-пепельные. Господин в балахоне, страшась, верно, очутиться в канаве, все внимание свое обратил на вожжи.

-- Уткинский барин! -- сказал мне ямщик.

-- Как? Не может быть! Иван Андреич?! -- воскликнул я.

-- Да-с, они-с! Я не признал их сначала.

-- Стой, стой! -- закричал я, повернувшись назад и махая руками к дрожкам.

Чему я так обрадовался, сам не знаю. Впрочем, в юности дружба так пылка и снисходительна, так проста и горяча, что нет места в уме для анализа. Любишь человека сам не знаешь за что; иногда по привычке. Как часто я видел ужасно суровых стариков, делавшихся мягкими и веселыми при одном воспоминании молодости!..

Подбежав к дрожкам и взглянув на толстого господина с красным лицом, смотревшего на меня вопросительно, я сконфузился. Хоть бы одна черта прежнего моего приятеля; даже ноги, висевшие на воздухе, имели вид копыт, так они были толсты. Я попросил извинения, сказав, что ошибся.

-- Вы к кому едете? -- спросил меня господин в балахоне.

-- В село Уткино, -- отвечал я.

-- Значит, вы желаете видеть Ивана Андреича? -- спросил господин в бала-